

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-72-79
УДК 343.1

Дата: поступления статьи / Submitted: 12.09.2020
после рецензирования / Revised: 24.10.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

К. В. Муравьев

Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова,
г. Орел, Российская Федерация
E-mail: murki@list.ru

СОРАЗМЕРНОСТЬ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ ГРОЗЯЩЕМУ НАКАЗАНИЮ И ЭКОНОМИЯ ПРИНУЖДЕНИЯ ПРИ ВЫБОРЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Аннотация: В статье обращается внимание, что в УПК РФ предусмотрены единые основания для избрания мер пресечения, а учитываемые обстоятельства не содержат четких критериев отбора. Это предполагает усмотрение компетентных лиц при принятии процессуального решения и в конечном итоге позволяет ставить вопрос о «справедливости мер пресечения». Автор указывает, что выбору справедливой меры пресечения предшествует выявление пределов принуждения, отвечающих требованию «соразмерности процессуальных ограничений грозящему наказанию». Анализируются материально-правовые условия применения отдельных мер пресечения. Сделан вывод, что принятие решения о мере воздействия должно осуществляться при учете требования «экономии принуждения», которое не следует абсолютизировать.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное принуждение, меры пресечения, заключение под стражу, домашний арест, запрет определенных действий, соразмерность, справедливость.

Цитирование. Муравьев К. В. Соразмерность процессуальных ограничений грозящему наказанию и экономия принуждения при выборе меры пресечения // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 72–79. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-72-79>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

K. V. Muravev

Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov,
Orel, Russian Federation
E-mail: murki@list.ru

PROPORTIONALITY OF PROCEDURAL RESTRICTIONS TO THE THREATENED PUNISHMENT AND ECONOMY OF COERCION WHEN CHOOSING A MEASURE OF RESTRAINT

Abstract: The article draws attention to the fact that the Criminal Procedure Code of the Russian Federation provides for uniform grounds for applying preventive measures, and the circumstances taken into account do not contain clear selection criteria. This implies the discretion of the competent persons when making a procedural decision, and, ultimately, allows you to raise the question of «fairness of preventive measures». The author points out that the choice of a fair measure of restraint is preceded by the identification of the limits of coercion that meet the requirement of «proportionality of procedural restrictions to the threatened punishment». The material and legal conditions for applying certain preventive measures are analyzed. It is concluded that the decision on the measure of influence should be made taking into account the requirement of «economy of compulsion», which should not be absolutized.

Key words: criminal procedure coercion, preventive measures, detention, house arrest, prohibition of certain actions, proportionality, justice.

Citation. Muravev K. V. *Sorazmernost' protsessual'nykh ogranichenii groziashchemu nakazaniyu i ekonomii prinuzhdeniya pri vybore mery presecheniya* [Proportionality of procedural restrictions to the threatened punishment and economy of coercion when choosing a measure of restraint]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 72–79. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-72-79> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Кирилл Владимирович Муравьев – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Орловского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова (по научной работе), 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Тема докторской диссертации: «Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона». Является автором более 100 научных и учебно-методических работ по проблемам уголовного судопроизводства. В их числе монографии «Возбуждение уголовного дела в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления» (2009), «Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия» (2017), «Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона» (2019). Соавтор трех учебников по дисциплине «Уголовный процесс» и семи учебных пособий.

© Kirill V. Muravev – Doctor of Laws, associate professor, deputy head of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov (for academic affairs), 2, Ignatova Street, Orel, 302027, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Optimization of the criminal process as a form of application of criminal law». Author of more than 100 scientific and educational works on the problems of criminal justice, including monographs: «Initiation of criminal proceedings against a person suspected of committing a crime» (2009), «Measures of procedural coercion are special means of criminal legal influence» (2017), «Optimization of the procedural form of application of criminal law» (2019). He is the coauthor of three textbooks on the discipline «Criminal Procedure», seven tutorials.

Область научных интересов: взаимосвязь уголовного материального и процессуального права, правовой статус участников уголовного судопроизводства, оптимизация порядка рассмотрения сообщений о преступлениях, предварительного расследования и судебного разбирательства, совершенствование системы, условий и порядка применения мер процессуального принуждения.

При наличии обоснованных подозрений о причастности к преступлению определенного лица, а также обстоятельств, дающих достаточные основания полагать совершение подозреваемым, обвиняемым деяний, препятствующих производству по уголовному делу (ст. 97 УПК РФ), дознаватель, следователь, а также суд в пределах компетенции вправе избрать одну из мер пресечения: подписку о невыезде, личное поручительство, наблюдение командования воинской части, присмотр за несовершеннолетним, запрет определенных действий, залог, домашний арест, заключение под стражу (ст. 98 УПК РФ).

Важным требованием к применению меры пресечения является соразмерность характера и сроков обременений, налагаемых на преследуемое лицо в ходе уголовного производства, тем мерам правового воздействия, которые могут быть ему назначены при разрешении дела. Конституционный Суд РФ неоднократно акцентировал внимание на том, что, исходя из закрепленного в ст. 49 Конституции РФ принципа презумпции невиновности, до вступления в законную силу обвинительного приговора на подозреваемого, обвиняемого не могут быть наложены ограничения, в своей совокупности сопоставимые по степени тяжести, в том числе срокам, с уголовным наказанием, а тем более превышающие его [1; 2].

Для реализации требования «соразмерности» в УПК РФ устанавливается ряд материально-правовых условий применения отдельных принудительных мер. В первую очередь они касаются самой строгой меры процессуального воздействия, которая ограничивает право на свободу и личную неприкосновенность.

Так, в ч. 1 ст. 108 УПК РФ введен запрет на применение заключения под стражу, если юридическая оценка содеянного не предполагает наказания в виде лишения свободы. Кроме того, данная мера пресечения может быть избрана при производстве в отношении преступлений, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет, только при наличии одного из исключительных обстоятельств. О высокой вероятности ненадлежащего поведения преследуемого лица могут свидетельствовать: отсутствие у него постоянного места жительства на территории РФ; неустановление его личности; нарушение им ранее избранной меры пресечения; сокрытие от органов предварительного расследования или от суда.

В части 2 ст. 108 УПК РФ содержатся условия, которые призваны обеспечить соразмерность оказания принудительного воздействия к несовершеннолетним «подследственным». Заключение под

Research interests: relationship of criminal material and procedural law, legal status of participants in criminal proceedings, optimization of the procedure for handling reports of crimes, preliminary investigations and court proceedings, improving the system, conditions and procedure for applying procedural coercive measures.

стражу в качестве меры пресечения может быть применено к лицам данной категории лишь при наличии подозрения или обвинения в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего, преследуемого за совершение преступления средней тяжести. Следует также учитывать установленный ч. 6 ст. 88 УК РФ запрет на назначение наказания в виде лишения свободы несовершеннолетнему. Пленум Верховного Суда РФ дал разъяснение правил применения взаимосвязанных норм УК РФ и УПК РФ о соразмерности ограничений принудительного воздействия в отношении данной категории лиц: «Заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применено в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести впервые» [3].

Соразмерность процессуальных ограничений грозящему наказанию предполагает не только пропорциональность их характера, но также и сопоставимость времени их действия.

В частях 2 и 3 ст. 109 УПК РФ установлены предельные сроки содержания под стражей на предварительном расследовании (6 месяцев – по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, 12 и 18 месяцев – по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях соответственно).

Согласно частям 2 и 3 ст. 255 УПК РФ, срок содержания под стражей подсудимого со дня поступления уголовного дела в суд и до вынесения приговора не может превышать 6 месяцев. Продление данного срока допускается только по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и каждый раз не более чем на 3 месяца. Таким образом, при производстве в отношении преступлений, по которым максимальное наказание превышает пять лет лишения свободы, предельный срок содержания под стражей в период судебного рассмотрения дела не регламентируется. Полагаем, что это является недостатком действующего законодательства. Предложения о целесообразности закрепления такого срока высказывались процессуалистами неоднократно [4, с. 94; 5].

Отметим, что в соответствии с ч. 3–3³ ст. 72 УК РФ время нахождения лица под стражей до вступления приговора суда в законную силу засчитывается в сроки наказания. При этом зачет времени содержания под стражей в срок лишения свободы осуществляется дифференцированно в зависимости от вида назначаемого судом исправительного учреждения, а также совершенного преступления, характеристик осужденного и других обстоятельств.

Соразмерность уголовно-процессуального принуждения грозящему наказанию должна обеспечиваться и при применении иных, не связанных с заключением под стражу, мер пресечения. Толкование норм УПК РФ, регламентирующих домашний арест и запрет определенных действий, вызывает определенные сложности. Дело в том, что ст. 107 УПК РФ не содержит каких-либо уголовно-правовых условий, ограничивающих применение домашнего ареста. Более того, в ч. 2 ст. 105¹ УПК РФ закрепляется, что при избрании запрета определенных действий не учитываются установленные ст. 108 УПК РФ требования, связанные с видом и размером наказания, квалификацией преступления, возрастом преследуемого лица.

Обратим внимание на то, что домашний арест заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает, или лечебном учреждении с возложением запретов и осуществлением контроля (ч. 1 ст. 107 УПК РФ). В срок домашнего ареста засчитывается время содержания под стражей, а в срок содержания под стражей – время домашнего ареста. Совокупный срок применения данных мер пресечения (независимо от последовательности избрания) не должен превышать предельный срок, установленный ст. 109 УПК РФ (ч. 2¹ ст. 107, п. 2 ч. 10 ст. 109 УПК РФ). Согласно же ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ, время нахождения лица под домашним арестом засчитывается в сроки содержания лица под стражей и лишения свободы (из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей или лишения свободы).

Конституционный Суд РФ неоднократно обращал внимание, что применение домашнего ареста должно допускаться в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении тех же, что и при заключении под стражу, преступлений (ч. 1 ст. 108 УПК) [1; 6]. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 41 [3] судам рекомендовано иметь в виду, что избрание меры пресечения в виде домашнего ареста в отношении лица, преследуемого за преступления небольшой тяжести, допускается лишь в случае, если за это посягательство в соответствии с положениями УК РФ (с учетом правил Общей его части и санкции) может быть назначено лишение свободы, либо при наличии предусмотренных ч. 1 ст. 108 УПК РФ исключительных случаев для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу (абз. 3 п. 36).

Что касается меры пресечения в виде запрета определенных действий, то следует учитывать, что одним из ограничений, возлагаемых на подозреваемого, обвиняемого, может являться запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает (п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ). По своим существенным характеристикам данный запрет схож с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, которое предусмотрено при применении

домашнего ареста. Более того, необходимо иметь в виду, что правовые позиции Конституционного Суда РФ, констатирующие необходимость соблюдения гарантий прав личности при помещении под домашний арест (от 6 декабря 2011 г. № 27-П, от 22 марта 2018 г. № 12-П), высказаны до принятия Федерального закона от 18 апреля 2018 г. [7], т. е. по отношению к ст. 107 УПК РФ в редакции, которая предусматривала не только полную, но и частичную изоляцию «подследственных» от общества.

Исходя из изложенного, следует согласиться с мнением, что запрет выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором проживает подозреваемый, обвиняемый (п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ), может применяться к лицам, преследуемым за совершение преступлений небольшой тяжести, к которым заключение под стражу обычно не применимо, однако по общему правилу его применение также должно соотноситься с возможностью назначения лицу наказания в виде лишения свободы [8, с. 99].

Срок применения запрета выходить в определенные периоды времени за пределы помещения, в котором проживает подозреваемый, обвиняемый, не может превышать по уголовным делам: о преступлениях небольшой тяжести – 12 месяцев; о тяжких преступлениях – 24 месяца; об особо тяжких преступлениях – 36 месяцев (ч. 10 ст. 105¹ УПК РФ). Время запрета, предусмотренного п. 1 ч. 6 ст. 105¹ УПК РФ, засчитывается в срок содержания под стражей из расчета два дня его применения за один «стражний день» (п. 1¹ ч. 10 ст. 109 УПК РФ). Полагаем, что при исчислении предельного срока соответствующего запрета также необходимо учитывать сроки содержания под стражей и домашнего ареста. Анализ ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ и п. 1¹ ч. 10 ст. 109 УПК РФ позволяет сделать вывод, что здесь должны применяться следующие формулы расчета: два дня «запрета выхода из жилого помещения в определенное время» за один день содержания под стражей; один день «запрета» за один день домашнего ареста.

«Соразмерность процессуальных ограничений грозящему наказанию» тесно связана с требованием «экономии процессуального принуждения». Однако их не следует отождествлять. Если «соразмерность» позволяет устанавливать пределы использования компетентным органом права на дискреционное усмотрение применять ту или иную меру пресечения, то «экономия принуждения» является требованием, относящимся к процессу выбора средства воздействия (в рамках пределов, которые соответствуют «соразмерности»).

Еще Ч. Беккариа отмечал, что «предварительное заключение... должно быть как можно менее сурово. Наименьшая продолжительность должна определяться временем, требуемым для расследования дела, и очередностью; задержанный раньше имеет право на то, чтобы его и судили прежде других. Предварительное заключение должно быть суровым лишь настолько, насколько это необходимо

для воспрепятствования побегу или сокрытия доказательств преступления» [9, с. 115].

Формулируя систему мер пресечения, содержащих разносторонние обязательства, запреты и обременения (ст. 98 УПК РФ), законодатель предоставляет компетентному лицу возможность выбора конкретного средства процессуального воздействия, которое позволит обеспечить производство по уголовному делу и (или) исполнение приговора (ч. 1 и 2 ст. 97 УПК РФ). Если задачи уголовного судопроизводства могут быть решены без применения принуждения или с применением принуждения сравнительно небольшой степени, то следователь, суд должны идти по пути наименьшего предупредительного воздействия [10, с. 92]. «Подследственный» вправе рассчитывать на применение к нему лишь тех ограничений, которые вызваны необходимостью. «Корреляция между налагаемыми на обвиняемого обременениями и теми целями, достижению которых они служат, не только обеспечивает исполнение обязанностей, но и позволяет избежать чрезмерных ограничений свободы лица, еще не признанного виновным» [11, с. 20].

На международном уровне рассматриваемое требование, в частности, закреплено в Токийских правилах [12]. Здесь отмечается, что «предварительное заключение под стражу используется в судопроизводстве по уголовным делам как крайняя мера», она должна «длиться не дольше, чем необходимо для достижения целей...» «расследования предполагаемого правонарушения и защиты общества и жертвы» (п. 6.1 и п. 6.2); «в соответствии с характером и степенью тяжести правонарушения, личностью и биографией правонарушителя, а также с интересами защиты общества и во избежание неоправданного применения тюремного заключения система уголовного правосудия должна предусматривать широкий выбор мер, не связанных с тюремным заключением», причем «альтернативы предварительному заключению под стражу» должны применяться «как можно раньше» (п. 2.3 и п. 6.2); «не связанные с тюремным заключением меры следует применять в соответствии с принципом минимального вмешательства» (п. 2.6), который означает, «что все меры пресечения и содержащиеся в них ограничения должны оцениваться с позиции необходимости и достаточности для обеспечения надлежащего поведения обвиняемого, соответствующего его процессуальному статусу и установленному порядку уголовного судопроизводства» [11, с. 20–21].

Требование «экономии процессуального принуждения» вытекает из охранительного назначения уголовного судопроизводства (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). В части 1 ст. 105¹, ч. 1 ст. 107 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ прямо указывается, что заключение под стражу, домашний арест, запрет определенных действий должны избираться при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. Кроме того, законодатель уделяет достаточно большое внимание регламентации разумных сро-

ков процессуального воздействия (ст. 6¹, 107, 109, 255 УПК РФ и др.).

Важность соблюдения требования «экономии процессуального принуждения» подчеркивается в постановлении № 41. В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ (напр., пп. 3, 4, 8, 36 и 42¹) указывается, что более строгая мера пресечения должна избираться только после обсуждения возможности применения более мягкой меры пресечения; заключение под стражу должно являться исключительным средством воздействия.

Обеспечить установленный порядок производства и исполнение приговора мерами принуждения, содержащими минимальные ограничения, в ряде случаев невозможно. Следует учитывать, что применение меры пресечения, как правило, основывается на доказательствах, которые позволяют сделать пусть и обоснованный, но лишь вероятностный вывод о будущем ненадлежащем поведении подозреваемого, обвиняемого. Предположения следователя о возможности наступления обстоятельств, перечисленных в ст. 97 УПК РФ, – это гипотезы о тех событиях, которые только могут произойти в будущем. В большинстве случаев следователю приходится основывать свое решение о применении меры пресечения на сведениях, которые лишь косвенным образом указывают на такие намерения [13, с. 172]. Соответственно, и цели, которые ставятся перед определенной мерой пресечения в конкретном производстве, и сама возможность их достижения посредством использования этой меры принуждения в значительной степени имеют прогностический характер. При угрозе возникновения любого из указанных в ст. 97 УПК РФ обстоятельств надлежащее поведение подозреваемого, обвиняемого может быть обеспечено абсолютно только при заключении данного лица под стражу, в каких-то случаях – при его помещении под домашний арест. Остальные меры пресечения фактически выступают факторами морального сдерживания, «работающими» в силу принятия преследуемым лицом соответствующего обязательства и адекватной оценки возможных последствий его нарушения [11, с. 21]. На практике это затрудняет выбор конкретной меры пресечения, предполагает усмотрение правоприменителя. В этой связи актуальным становится вопрос о «справедливости» применения меры пресечения.

Категория «справедливость» используется в доктрине уголовного судопроизводства в различных смыслах. Но важно учитывать, что данный термин упоминается в УПК РФ исключительно в материальном значении, причем по отношению к единственному решению – приговору, а критерием справедливости приговора выступает справедливость назначаемого наказания (ч. 2 ст. 6, ч. 2 ст. 389¹⁸). Делая акцент на уголовно-правовой составляющей, мы поддерживаем мнение коллег, которые считают, что справедливость в уголовном процессе проявляется при избрании меры пресечения, поскольку должностные лица, осуществля-

ющие судопроизводство, действуют по своему усмотрению и выбирают между несколькими возможными вариантами процессуальных решений [14, с. 104]; при этом избираемые меры уголовно-процессуального принуждения должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, т. е. быть справедливыми [4, с. 94]. Такое понимание не отрицается Конституционным и Верховным судами РФ, распространяющими требование «справедливости» на судебные акты досудебного производства [3; 15].

В процессуальной доктрине выдвигались предложения о необходимости «твердой увязки» системы мер пресечения с тяжестью предъявленного обвинения, со строгостью уголовно-правовой санкции [13, с. 184–187; 16, с. 40], о согласовании мер пресечения с конкретными видами наказания [17, с. 9]. По мнению О. И. Цоколовой, это могло бы иметь решающее значение для укрепления законности в практике избрания и применения мер принуждения. Ограничивая следователя и суд жесткими рамками, закон поставил бы преграду произволу с их стороны, обеспечил бы гарантии прав обвиняемого на справедливую меру пресечения в зависимости от содеянного. Основания применения мер пресечения в таком случае стали бы ясными и четкими, даже очевидными, что привело бы к единообразию практики и само по себе стало бы гарантией законности [13, с. 184].

Предложения авторов являются интересными, они нацелены на уменьшение случаев ограничения свободы и неприкосновенности личности при производстве по делу. Однако данные суждения имеют ряд «слабых мест». На них мы указывали ранее [18, с. 151–156]. Следует, например, учитывать, что при постановлении приговора по делу о преступлении, по которому в качестве санкции возможно лишение свободы, суд, определяя вид и размер уголовно-правового воздействия, обязан назначить справедливое наказание, которое может быть и мягче, чем лишение свободы, а при назначении лишения свободы – меньше срока содержания под стражей, отбытого в качестве меры пресечения. При этом УПК РФ содержит средства правовой защиты от произвольного или длительного содержания под стражей – как превентивного, так и компенсаторного характера, включая возмещение вреда, причиненного необоснованным содержанием под стражей [19].

При определении вида меры пресечения должны учитываться тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого, обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства (ст. 99 УПК РФ). Исходя из этого, «справедливыми» могут считаться лишь те процессуальные запреты и ограничения, которые вызваны необходимостью с учетом обстоятельств: а) связанных с деянием и б) относящихся к личности, привлекаемой к уголовной ответственности.

Тяжесть преступления (ст. 15 УК РФ) является объективным обстоятельством. Градация криминальных посягательств на категории (небольшой тяжести, средней, тяжкие и особо тяжкие преступления) произведена законодателем по материальному признаку, включающему качественную характеристику противоправного деяния – характер общественной опасности (зависит от значимости объекта посягательства) и количественную составляющую – степень общественной опасности (на нее влияют величина ущерба, форма вины, способы совершения деяния, стадия совершения преступления и др.).

Сведения о личности преследуемого, его возрасте, состоянии здоровья и т. п. необходимо рассматривать через призму обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, в соответствии со ст. 61 и 63 УК РФ, а также иных обстоятельств, влияющих на назначение наказания. Более мягкую меру пресечения следует избирать в ситуациях, когда подозреваемый, обвиняемый является: несовершеннолетним, совершил впервые преступление небольшой или средней тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств, в состоянии беременности и т. п. Напротив, к обстоятельствам, свидетельствующим о необходимости избрать более строгую меру пресечения, необходимо отнести: рецидив преступлений, совершение преступления в составе группы, особо активную роль в совершении преступления, совершение преступления родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, и т. п.

Обратим внимание на еще один важный аспект. Высший судебный орган конституционного контроля в РФ для обеспечения соразмерности процессуальных ограничений предлагает учитывать и тяжесть инкриминируемого преступления, личность преследуемого, и его поведение в период производства по уголовному делу, а также наказание, которое в случае признания его виновным в совершении преступления может быть назначено и может подлежать реальному отбытию с учетом уголовно-правовых институтов освобождения от наказания и смягчения наказания [15]. Таким образом, строгость меры пресечения должна обуславливаться не санкцией за преступление, а реальным уголовным наказанием, которое может быть назначено судом обвиняемому и подлежит реальному отбытию.

В пункте 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 41 отмечается, что при заключении под стражу надлежит придавать значение поведению лица после совершения преступления, в частности явке с повинной, активному способствованию раскрытию и расследованию преступления, заглаживанию причиненного в результате преступления вреда, т. е. тем обстоятельствам, которые учитываются и при назначении наказания [3].

Исходя из предложенных судебными органами позиций, полагаем, что при определении соразмерности процессуальных ограничений грозящему наказанию следует учитывать правила назначения наказания при наличии смягчающих

обстоятельств. Так, согласно ч. 2, 4 и 5 ст. 62 УК РФ, а также ч. 6 ст. 226⁹, ч. 7 ст. 316, ч. 5 ст. 317⁷ УПК РФ, в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и отсутствииотягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания по статье Особенной части УК РФ, а если предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь – двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания в виде лишения свободы, указанного в статье Особенной части УК РФ. Кроме того, срок или размер наказания, назначаемого лицу, уголовное дело в отношении которого рассмотрено в порядке гл. 40 УПК РФ, не может превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания за совершенное преступление, а после проведения дознания в сокращенной форме (гл. 32¹ УПК РФ) – одной второй максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Таким образом, при выяснении в ходе уголовного производства обстоятельств, смягчающих наказание, применении особых порядков (гл. 32¹, 40, 40¹ УПК РФ) характер и сроки мер пресечения должны быть соразмерны грозящему уголовно-правовому воздействию с учетом перечисленных законодательных ограничений. Следует своевременно ставить на рассмотрение вопрос об изменении меры пресечения.

Например, за совершение неправомерного завладения автомобилем без цели хищения (ч. 1 ст. 166 УК РФ) предусмотрено максимальное наказание в пять лет лишения свободы. В случаях, когда дознание по делу об этом преступлении осуществляется в сокращенной форме, предположительное наказание не сможет превысить половины от максимального срока, т. е. 2 лет и 6 месяцев лишения свободы (ч. 5 ст. 62 УК РФ, ч. 6 ст. 226⁹ УПК РФ). Таким образом, содержание под стражей подозреваемого, заявившего ходатайство о «сокращенном дознании», не будет соответствовать правилу «соразмерности принуждения грозящему наказанию».

Библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2011 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123019.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений части третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С. В. Махина». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://bazanra.ru/konstitutsionnyi-sud-rf-postanovlenie-n23-p-ot16072015-h2556633>.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184.

4. Головинская И. В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения // Современное право. 2016. № 3. С. 90–96. URL: <https://s.sovremennoepravo.ru/283722>.

5. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 г. // Рос. газета. 2017. 17 мая. URL: <https://rg.ru/2017/05/17/doklad-dok.html>.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2018 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Костромина». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogosuda-rf-ot-22032018-n-12-p>.

7. Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296073.

8. Гричаниченко А. Запрет определенных действий и домашний арест // Уголовное право. 2019. № 6. С. 97–103. URL: <https://e.ugpr.ru/778687>.

9. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. Москва, 2004. 184 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/57757-bekkaria-ch-o-prestupleniyah-i-nakazaniyah-spb-1806#mode/inspect/page/1/zoom/4>.

10. Гриненко А. В., Иванов Д. А. Совершенствование мер процессуального принуждения в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 91–96. DOI: <http://doi.org/10.24411/2078-5356-2019-10215>.

11. Лазарева В. А., Вершинина С. И. Процессуальный статус участников уголовного судопроизводства как фактор, обуславливающий содержание и состав системы мер пресечения // Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2020. № 1 (40). С. 17–25. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42652651>.

12. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). Приняты резолюцией 45/110 Генеральной ассамблеи от 14 декабря 1990 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml.

13. Цоколова О. И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого. Москва, 2008. 310 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19787725>.

14. Цоколова О. И. Есть ли справедливость на досудебных стадиях уголовного судопроизводства? // Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе Российской Федерации: материалы междунар.

науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию заслуженного юриста Российской Федерации, д-ра юрид. наук, проф. Анатолия Петровича Гуляева. Москва, 2014. С. 101–106.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений УПК РФ, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-22032005-n>.

16. Михайлов В. А. Меры пресечения в российском уголовном процессе. Москва, 1996. 304 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27227436>.

17. Гусельникова Е. В. Заключение под стражу в системе мер пресечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001. 24 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000313769.

18. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017. 228 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29961293>.

19. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2015 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений части третьей – седьмой статьи 109 и части третьей статьи 237 УПК РФ в связи с жалобой гражданина С. В. Махина». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 6 dekabria 2011 g. № 27-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti stat'i 107 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v sviazi s zhaloboi grazhdanina Estonskoi Respubliki A. T. Fedina»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 6, 2011 № 27-P «In the case of checking the constitutionality of Article 107 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen of the Republic of Estonia A. T. Fedin»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123019 [in Russian].

2. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 16 iulia 2015 g. № 23-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii chasti tret'ei – sed'moi stat'i 109 i chasti tret'ei stat'i 237 UPK RF v sviazi s zhaloboi grazhdanina S. V. Makhina»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 16, 2015 № 23-P «In the case of checking the constitutionality of provisions of part three – seven of Article 109 and part three of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S. V. Makhin»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://bazanpa.ru/konstitutsionnyi-sud-rf-postanovlenie-n23-p-ot16072015-h2556633> [in Russian].

3. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 19 dekabria 2013 g. № 41 «O praktike primeneniia sudami zakonodatel'stva o merakh presecheniia v vide zakliucheniia pod strazhu, domashnego aresta, zaloga i zapreta opredelennykh deistvii»* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2013 № 41 «About the practice of

application by the courts of the legislation on measures of restraint in the form of detention, house arrest, bail and prohibition of certain actions»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184 [in Russian].

4. Golovinskaya I. V. *Institut mer presecheniia: problemy diversifikatsii i varianty ikh razresheniia* [Institute of preventive measures: problems of diversification and options for their resolution]. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2016, no. 3, pp. 90–96. Available at: <https://s.sovremennoepravo.ru/283722> [in Russian].

5. *Doklad o deiatel'nosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossiiskoi Federatsii za 2016 g.* [Report on the activities of the Human Rights Commissioner for the Russian Federation for 2016]. *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 2017, May 17. Available at: <https://rg.ru/2017/05/17/doklad-dok.html> [in Russian].

6. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 22 marta 2018 g. № 12-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti chastei pervoi i tret'ei stat'i 107 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v sviazi s zhaloboi grazhdanina S. A. Kostromina»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 22, 2018 № 12-P «In the case of checking the constitutionality of parts one and three of Article 107 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S. A. Kostromin»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-22032018-n-12-p> [in Russian].

7. *Federal'nyi zakon ot 18 apreilia 2018 g. № 72-FZ «O vnesenii izmenenii v Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii v chasti izbraniia i primeneniia mer presecheniia v vide zapreta opredelennykh deistvii, zaloga i domashnego aresta»* [Federal Law № 72-FZ dated April 18, 2018 «On amendments being made to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the election and application of preventive measures in the form of prohibition of certain actions, bail and house arrest»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296073 [in Russian].

8. Grichanichenko A. *Zapret opredelennykh deistvii i domashnii arest* [Prohibition of certain actions and house arrest]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2019, no. 6, pp. 97–103. Available at: <https://e.ugpr.ru/778687> [in Russian].

9. Beccaria Ch. *O prestupleniakh i nakazaniakh. Sost. i predisl. V. S. Ovchinskogo* [About crimes and punishments. Compiler and preface by V. S. Ovchinsky]. Moscow, 2004, 184 p. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/57757-bekkaria-ch-o-prestupleniyah-i-nakazaniyah-spb-1806#mode/inspect/page/1/zoom/4> [in Russian].

10. Grinenko A. V., Ivanov D. A. *Sovershenstvovanie mer protsessual'nogo prinuzhdeniia v rossiiskom ugolovnom sudoproizvodstve* [Improvement of measures of procedural coercion in Russian criminal proceedings]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Journal of Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 2 (46), pp. 91–96. DOI: <http://doi.org/10.24411/2078-5356-2019-10215> [in Russian].

11. Lazareva V. A., Vershinina S. I. *Protsessual'nyi status uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva kak faktor, obuslavlivaiushchii sodержание i sostav sistemy mer presecheniia* [The procedural status of the participants in criminal proceedings as a factor determining the content and composition of the preventive measures system]. *Vektor*

nauki TGU. Seriya: Iuridicheskie nauki [Science Vector of Togliatti State University. Series: Legal Sciences], 2020, no. 1 (40), pp. 17–25. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42652651> [in Russian].

12. *Minimal'nye standartnye pravila Organizatsii Ob"edinennykh Natsii v otnoshenii mer, ne svyazannykh s tiuremnyim zakliucheniem (Tokiiskie pravila). Priniaty rezoliutsiei 45/110 General'noi assamblei ot 14 dekabريا 1990 g.* [Standard minimum rules of the United Nations in respect of measures not connected with imprisonment (Tokyo rules). Adopted by the General Assembly resolution 45/110 dated December 14, 1990]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml [in Russian].

13. Tsokolova O. I. *Mery ugovolno-protssessual'nogo prinuzhdeniia, sostoiashchie v izoliatsii podozrevaemogo, obviniaemogo* [Measures of criminal procedural compulsion consisting in isolation of the suspect, the accused]. Moscow, 2008, 310 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19787725> [in Russian].

14. Tsokolova O. I. *Est' li spravedlivost' na dosudebnykh stadiiakh ugovolnogo sudoproizvodstva?* [Is there any justice in the pre-trial stages of criminal proceedings?]. In: *Sovremennye problemy zakonnosti i spravedlivosti v ugovolnom protsesse Rossiiskoi Federatsii: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posviashchennoi 80-letiiu zaslužennogo iurista Rossiiskoi Federatsii, d-ra iurid. nauk, prof. Anatoliia Petrovicha Guliaeva* [Modern problems of legality and justice in the criminal process of the Russian Federation: International research and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, professor Anatoly Petrovich Gulyaev]. Moscow, 2014, pp. 101–106 [in Russian].

15. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 22 marta 2005 g. № 4-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti riada polozhenii UPK RF, reglamentiruiushchikh poriadok i sroki primeneniia v kachestve mery presecheniia zakliucheniia pod strazhu na stadiiakh ugovolnogo sudoproizvodstva, sleduiushchikh za okonchaniem predvaritel'nogo rassledovaniia i napravleniem ugovolnogo dela v sud, v sviazi s zhalobami*

riada grazhdan» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 22, 2005 № 4-P «In the case of checking the constitutionality of several provisions of the Code of Criminal Procedure, regulating the order and terms of application as a preventive measure of detention on stages of criminal proceedings following the completion of the preliminary investigation and forward the case to the court in connection with complaints of some citizens»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-22032005-n> [in Russian].

16. Mikhailov V. A. *Mery presecheniia v rossiiskom ugovolnom protsesse* [Measures of restraint in the Russian criminal process]. Moscow, 1996, 304 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27227436> [in Russian].

17. Guselnikova E. V. *Zakliuchenie pod strazhu v sisteme mer presecheniia: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Detention in the system of preventive measures: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Tomsk, 2001, 24 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000313769 [in Russian].

18. Muravev K. V. *Mery protssessual'nogo prinuzhdeniia – osobye sredstva ugovolno-pravovogo vozdeistviia: doktrina, primeneniie, optimizatsiia: monografiia* [Measures of procedural coercion are special means of criminal influence: doctrine, application, optimization: monograph]. Omsk, 2017, 219 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29961293> [in Russian].

19. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 16 iulia 2015 g. № 23-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozhenii chasti tret'ei – sed'moi stat'i 109 i chasti tret'ei stat'i 237 UPK RF v sviazi s zhaloboi grazhdanina S. V. Makhina»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 16, 2015 №. 23-P «In the case of checking the constitutionality of provisions of part three – seven of Article 109 and part three of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S. V. Makhin»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://bazanpa.ru/konstitutsionnyi-sud-rf-postanovlenie-n23-p-ot16072015-h2556633> [in Russian].